

Елена Арсеньева

Ласточка улетела (Лидия Базанова)

Часть сборника
Дамы плаща и кинжала (сборник)

Дамы плаща и кинжала

Елена Арсеньева

**Ласточка улетела
(Лидия Базанова)**

«Автор»

2004

Арсеньева Е. А.

Ласточка улетела (Лидия Базанова) / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2004 — (Дамы плаща и кинжала)

«Октябрь 1943-го, Белоруссия, Бобруйск Над окраинной улочкой зависла
«рама». Мальчишка выскочил во двор и наставил в небо рогатку. Мать
шикнула на него так, что он без спора шмыгнул в дом. Улица опустела...»

© Арсеньева Е. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева Ласточка улетела Лидия Базанова

Мир догадок и тайн... Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплу главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя... ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

* * *

Октябрь 1943-го, Белоруссия, Бобруйск

Над окраинной улочкой зависла «рама». Мальчишка выскочил во двор и наставил в небо рогатку. Мать шикнула на него так, что он без спора шмыгнул в дом.

Улица опустела.

Здесь привыкли жить с ощущением постоянного страха: утром, днем, вечером, ночью. Говорят, люди привыкают ко всему: можно привыкнуть и к постоянному ожиданию смерти. Нет слов, чтобы передать, что испытывали жители Бобруйска, жители Белоруссии во время фашистской оккупации! Каждая семья могла бы назвать «огненную деревню», где были сожжены родственники: каратели убивали всех, кого только могли заподозрить в связи с партизанами.

Но весь кошмар для фашистов состоял в том, что в этом городишке, который являлся крупным железнодорожным узлом, чуть ли не каждый был связан с подпольщиками или партизанами. Победители ходили здесь по лезвию бритвы, кожей чувствуя ненавидящие взгляды со всех сторон, из-за каждого угла. Так и чудилось: стоит за спиной партизан с топором... Оглянешься – вроде и нет никого, ну разве что ползет баба с мальчишкой, или хромает дедок, которому место только в огороде, ворон пугать, или протопочет славненькая фрейлейн в застиранном платье и стоптанных туфельках...

Молодой солдат, которого поставили с автоматом на углу оцепленной улицы, проводил как раз такую взглядом. Ах, как же хороша Maädchen ¹, такую бы нарядить в крепдешинное платье да туфельки с перепонкой на каблучках, да сделать ей прическу валиком – не стыдно и по Unter den Linden ² пройтись, по улице под липами... Русские девушки красивы, белорусские не хуже. Только не нравятся им солдаты великого рейха, смотрят исподлобья, злобно шипят в ответ на любезности, а если которая согласится пойти с тобой в солдатский клуб выпить пива, а потом позволит притиснуть себя к забору или даже повалить в придорожную траву, наверняка последняя из последних, какая-нибудь hure ³, до которой и дотронуться приличному человеку противно...

Молодой солдат проводил взглядом стройненькую Maädchen. Она-то в солдатский кабак не пойдет, и мечтать нечего.

Девушка свернула в проулок, и солдат от нечего делать уставился в небо. «Рама», разведывательный самолет, покачивалась над городом. Описывала круги над улицами. Когда везли сюда, унтер-офицер обмолвился, что в этом убогом районе убогую городишки запеленговали работающую рацию. Вон машина с пеленгатором, вон гестаповцы мечутся из дома в дом, ищут партизан.

Ну что ж, пусть ищут. Их служба такая. А его служба – стоять в оцеплении и на девушек смотреть. Как жаль, что скрылась с глаз та миленькая Maädchen с хорошенькими ножками. Эх, какой он дурень, что не заговорил с ней. Вдруг бы согласилась провести вечерок вместе?

Да нет, не согласилась бы, конечно. И как бы он заговорил с ней, стоя на посту? До чего же надоела эта война, даже с девушкой не познакомишься!

Солдат оцепления уставился на нее что-то слишком уж внимательно. Лида на всякий случай задрала нос повыше, приняла самый неприступный вид. Сердце колотилось... Ох, мамочка! Неужели все пропало, неужели столько сил затрачено впустую?!

Перешла улицу, свернула, пробежала огородами, потом шмыгнула в проулок – а вот и дом Ивана Яковлевича Шевчука, землемера Бобруйской комендатуры... и руководителя советской разведгруппы, куда входит и она, радистка Лида Базанова. Влетела во двор, пробежала по узенькой тропочке к крыльцу.

Жена Шевчука мыла крыльцо. Лида едва не растянулась на мокрой ступеньке, спросила:

– Где Иван? Дома? – и, не дождавшись ответа, влетела на веранду, где умывался только что вернувшийся с работы хозяин.

Он недовольно оглянулся через плечо, но, увидев, какое лицо у Лиды, так и замер, полу-согнувшись:

– Что?

– Ну, Иван Яковлевич, мы поймались!

– Опять? – Он скрутил полотенце так, что оно треснуло. – Неужто опять?

Такое уже было ровно полмесяца назад. Тогда Лида квартировала у бывшей учительницы Марии Левантович. Она работала в эфире, передавая обычное из множества ежедневных сообщений о движении воинских эшелонов через железнодорожный узел Бобруйска:

«...Из Осиповичей на Могилев отправился эшелон немецких танков, 38 платформ, 29 «тигров» и три самоходки.

...Вчера в направлении Слуцка прошли три эшелона пехоты.

...Сегодня в направлении Минска тремя эшелонами ушел пехотный полк. Командует подполковник Функе. 1400 солдат усилены противотанковыми батареями.

¹ Девушка (нем.).

² Главная улица Берлина.

³ Шлюха (нем.).

...Вчера через Осиповичи на Могилев проследовали три эшелона пехоты. Петлицы черные. Видимо, эсэсовская бригада.

...Через Осиповичи на Слуцк прошел эшелон с ранеными фашистами, а также эшелон с нашими девушками. Место назначения выяснить не удалось.

...На запад идут санитарные поезда, эшелоны с целыми автомобилями, орудиями, танками.

...Вчера на запад ушел состав из двенадцати штабных вагонов с офицерами местного гарнизона.

Конец связи. Ласточка».

Лида окончила передачу и ждала ответа от Центра, однако на ее позывные ответил незнакомый радист. Просил не прерывать передачи, сообщил, что сейчас передаст задание. Затем в эфире раздался треск.

Лида убрала руку с ключа, сняла наушники – и ахнула: немецкая речь за окном! Схватила пистолет, который всегда лежал рядом, когда она работала, осторожно выглянула в маленькое окно.

Отсюда, с чердака сарая, хорошо был виден соседний двор... а там немцы! В доме напротив повальный обыск!

Она перебежала чердачок и увидела на улице машину с пеленгатором.

Сунув пистолет под рацию, Лида забросала ее сеном, скатилась по шаткой лесенке, отволокла ее в угол, прибежала к Шевчуку, и он немедленно отправил ее на запасную квартиру, к Георгию и Евгении Проволовичам. А между тем обыска у Левантович так и не было: кто-то из полицейских узнал учительницу, поручился за нее.

Фашисты в тот день так ничего и не нашли. Убрались восвояси. И Лида чуть позднее беспрепятственно перенесла рацию в коровник к Проволовичам.

Перенесла – это не совсем точно. Перевезла, да как лихо!

Обмотала аппарат клеенкой, да и затолкала в бочку. Сверху навалила кислой капусты – не просто кислой, а подкисшей, которая у Марии Левантович в погребке уж пображивать начала. Ничего, варили из нее щи, ели, да еще и похваливали – а что делать, есть-то что-то надо? Однако гитлеровские патрульные, которые остановили маленькую девушку в синем платьице, толкавшую тачку с неуклюжей бочкой, так скосоротились от запаха, что даже документов проверять на стали. Замахали руками:

– Schneller, schneller komm, schlampe! ⁴

– Сами вы шlamпы поганые, – бормотала Лида, улепетывая со всех ног и с наслаждением вдыхая спасительный запах кислятины.

Хоть рацию вывезли, Шевчук посоветовал Лиде остаться жить у Марии: бомба-де в одну воронку дважды не падает.

– А вдруг упадет? – буркнула Лида. – Не хочу я у нее оставаться.

Шевчук не в первый раз заметил, что Лида недолюбливает Левантович. Та была женщина высокая, яркая, языкастая, и над маленькой, хоть и хорошенькой, словно птичка, Лидой она откровенно посмеивалась.

– Бросьте-ка мне ваше бабство! – строго сказал Шевчук. – Где я тебе квартиру возьму? Думаешь, я дедушка Мороз – сунул в мешок руку и достал подарок?

К тому же, пояснил он затем, Лида вписана в книгу домовладения Левантович, а фашисты все эти книги тщательно проверили, когда искали рацию. Исчезновение жилички Левантович именно после этого дня могло бы навести на подозрения. Поэтому Лидия по-прежнему квартировала у Марии, но на радиосеансы бегала к Проволовичам, на улицу Калинина.

⁴ Скорей проходи, грязнуля! (нем.)

И вот Лида явилась к Шевчуку второй раз. Опять, значит, бомба, хоть и не в ту же самую воронку!

– Расскажи, как было дело? – попросил Шевчук. – Опять засекли пеленгаторами?

– Ну да, и с земли, и с самолета. «Рама» небось там все так же и висит. Я работала, вдруг Женя Проволович в дверь сунулась: «Фашисты!» Мы рацию в яму сунули, под доски, сверху сеном забросали, а питание в тайнике лежит. Потом я дала деру, а Женя к забору подошла – посмотреть, как там и что. Как раз соседей обыскивали, следующий дом на очереди – их, Проволовичей... Может, рацию и питание не найдут, иначе... конец всему.

Шевчук кивнул. Тайник был хороший – Георгий сделал у коровьих яслей второе дно. Что ж, если ясли были подходящим местом для младенца Иисуса Христа, то небось стодятя и для батарей. Только бы не нашли. Только бы...

Если найдут, конец тогда не только радиосвязи, но и Проволовичам. Схватят, начнут пытать... Выдержат? Выдадут? Никто не знает, как поведет себя под пытками человек. А может быть, все-таки обойдется?...

– Ладно, – угрюмо сказал Шевчук. – Сейчас мы ничего поделать не можем. Надо ждать.

Лиду вдруг затрясло:

– Ждать? Не могу! Я должна узнать, что там с Женей и Гошей. Вернусь, ворвусь в сарай... если фашисты, подорву их гранатой вместе с рацией и сама взорвусь!

Шевчук аж пошатнулся, когда представил, что начнется в городе после такого. Как пить дать либо каждого десятого расстреляют, либо сожгут все прилегающие улицы. Или и то и другое. Девчонка с ума сошла. Сойдешь, конечно, от такой жизни, от беспрестанного напряжения. Это ведь не жизнь – ежедневное ожидание смерти...

Он набрал в ладони воды и что было силы плеснул в безумное, бледное лицо Лиды.

– Охолонься, – проговорил ледяным тоном. – Или по физиономии хочешь получить, чтоб истерику прекратить?

Лида как ахнула, так и стала, замерев.

– Вместо того чтобы чушь молоть, беги лучше на работу, – чуть мягче сказал Иван Яковлевич.

Лида снова ахнула. Она работала делопроизводителем в конторе. Совсем забыла, что надо еще и работать!

Надо. Да. И взять себя в руки надо.

Оттеснив Шевчука от умывальника, Лида уже сама поплескала себе в лицо воды, пригладила волосы.

Теперь Шевчук смотрел на ее румяную мордашку с удовольствием. Ей бы учиться, да по танцускам бегать, да книжки про любовь читать. Ей бы парням головы кружить, а тут... Хоть бы выдержала. Хоть бы не сорвалась.

– Беги скорей, – вздохнул. – И поосторожней там! Без гранат, ладно?

– Я постараюсь! – пробормотала Лида, прыгнув с крыльца, чтобы не натоптать на чисто вымытых ступеньках. – Узнайте, что там у Проволовичей!

Ее все еще трясло, но щеки горели теперь уж не от страха – от стыда. Так позорно сорваться! Ну ведь знала, знала, на что шла, когда просилась на фронт, да не на передовую, а в тыл врага! Сколько уже пройдено, столько испытано – можно ли так дергаться? А ведь она еще с детства пыталась закалить свою отвагу, выдержку, бесстрашие. Чтоб ничего, ничего не бояться – как отец...

Отец у Лиды был личностью легендарной, хоть и не бог весть какой героической. Красавец, авантюрист, любитель женщин, вина и карт, Андрей Селиверстович Базанов редко бывал дома. «Везунчик, – печально называла его жена. – Кабы не был таким везунчиком, небось сидел бы здесь, а он все где-то там крыльями машет...»

Жизненный путь Андрея Базанова был окутан туманом... Да и что ему, птице высокого полета, было делать в сельце Редькино Калининской области? Тридцать изб, крытых соломой либо дранью, грязная улочка, вокруг лесá, до Волги километров семь, в школу детям бежать три версты... Глушь глухая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.